

Робеспьер Максимилиан

Переписка Робеспьера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М17

М17 **Максимилиан Р.**
Переписка Робеспьера / Робеспьер Максимилиан – М.: Книга по Требованию, 2023. –
267 с.

ISBN 978-5-519-80825-5

ISBN 978-5-519-80825-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Изучение Великой революции конца XVIII века медленно, но верно подвигается вперед. Наиболее близкой нам, марксистам, является группа французских историков, объединенная в «Société des études Robespierriste». Журнал О-ва («Annales Historiques de la Révolution Française») дает нам богатый и поучительный материал по социальной истории революции, знакомит нас с деталями борьбы в рядах якобинцев, сообщает интересный материал по провинциальной истории Франции эпохи Революции. Члены Общества каждый год преподносят науке исследования, углубляющие наши знания и расширяющие задачи изучения революции. Эта группа историков отодвинула в сторону Олара и его школу. В этом большая заслуга и значение «робеспьеристов» для революционного марксизма. Но ближайшее рассмотрение работ «Société des études Robespierriste» покажет нам, как далеки еще его члены от методологии революционного марксизма, от правильного социально-экономического исследования революции. Анализ их работ, — в данном случае анализ предисловия составителя сборника писем Робеспьера, Жоржа Мишона, — будет для нас чрезвычайно поучителен в методологическом отношении.

Перед нами одна из публикаций общества: «Correspondance de M. et Aug. Robespierre», изданная с примечаниями и предисловием Ж. Мишона (1926 г.). Мишон, автор книги «Essai sur l'Histoire du Parti Feillant» и издатель переписки Барнава, дал нам тщательно подобранный том почти всех известных нам писем «Неподкупного» и его младшего брата, снабдил их подробными примечаниями, с тщательным указанием источников, которыми он пользовался. Книга издана в научном отношении очень добросовестно.¹ В своем введении составитель указывает на

¹ А. Матъез в рецензии на книгу (см. «Annales Historiques de la R. F.» — № 18 за 1927 г.) отмечает некоторые ошибки составителя: не опубликованы два письма Максимилиана Робеспьера, написанные в день 9 термидора, и некоторые другие письма; в отдельных случаях не совсем точно указана дата писем. А. Матъез в заключении объясняет свой научный ригоризм при публикации документов, но признает, однако, строго научный характер публикации Мишона.

огромное количество исчезнувших писем великих революционеров. Термидорианцы по мере своих сил и возможностей ликвидировали все, что могло бы говорить в пользу Робеспьера; все, кто имел основание бояться белого террора, старательно уничтожали следы своих сношений с ними; да и время, наконец, сыграло свою разрушительную роль. Но все же Ж. Мишон собрал около 500 писем из разнообразнейших источников. Папки Archives Nationales, муниципальной библиотеки. Нанта, Версаля, собрание автографов и, наконец, публикации на протяжении больше столетия (пресса эпохи, публикации Олара и т. д. и т. п.) — все это использовано для тома переписки. Составитель вполне откровенно формулирует в предисловии задачу своего труда: «Эта переписка Робеспьера является самой блистательной его защитой». Ни одно из писем, как ни уничтожали термидорианцы все свидетельства в пользу братьев, не может быть использовано против них. Их честность неоспорима, и в ее лучах их враги окончательно осуждены историей. Поистине досадно, что богатство, собранное Ж. Мишоном, служит ему доказательством только этой тезы. Вопрос, казалось бы, давно решен — стоит ли спорить с врагами революции, которые будут продолжать традиции Тэна до окончательного торжества над ними новой революции! В этом слабость и некоторая беспомощность «робеспьеристов», что они все еще реабилитируют великих революционеров конца XVIII века, а наша общая задача — изучать эпоху...

Обратимся к письмам. Первое письмо относится к январю 1776 года, последнее к 5 термидору II года. Мы имеем здесь не только переписку братьев, но и письма всех виднейших революционеров, друзей и врагов Робеспьера (Сен-Жюст, М-те Ролан, Трейяр, жирондисты, Шапелье, Тальен, Фрерон, Дюмон и т. д.), граждан, обращающихся к «Неподкупному» с просьбами и предупреждениями, отдельные письма из переписки Комитета Общественного Спасения, принадлежащие перу Максимилиана, и донесения из армии Огюстена. До революции в письмах почти не затронуты общественные вопросы, с мая 1789 г. мы редко встречаем рассуждения о личных делах. В революционные годы все подчинено одной идее: торжеству революции. Адвокат Максимилиан Робеспьер (De Robespierre) пишет до революции галантные письма дамам. Накануне революции, в письме к молодой девушке мы читаем: «Есть ли более благородная цель, которой могут служить блеск Вашего круга и достоинства Вашего сердца, если Вы можете столь легкими средствами поощрять рвение того, кто посвятил себя облегчению участи несчастных и невинных...» Он высказывает и в других письмах ряд сентенций в духе XVIII века. Но уже первые письма в мае 1789 г. дают много интересного и ценного. В письме к другу своему Buissart'у (24 мая 1789 г.) он подробно описывает борьбу в Генеральных Штатах и жалуется на свои первые неудачи на

парламентском поприще. Для Робеспьера неприемлема позиция Рабо де-Сент-Этьена, предлагающего послать представителей к первым двум сословиям для переговоров; он считает, что это только затянет решение вопроса, даст возможность правящим сословиям сорганизоваться. Необходимо обратиться с воззванием к духовенству, а затем и дворянству, чтобы внести раскол в их ряды. Он неодобрительно отзываясь о безнравственном Мирабо, он клеймит дворян и с радостью встречает известия о переходе части духовенства на сторону революции. Робеспьер с радостью сообщает 23 июля Buissart'у о восстании народа и торжественно изображает короля среди граждан французов. Робеспьер присоединяется к «*paroles libres*» Байльи: «Вам досталась ваша корона по рождению, вам она будет принадлежать теперь лишь благодаря вашим добродетелям и верности подданных». Он сообщает другу о волнениях в столице, об опасности разгрома рынков и приветствует образование национальной буржуазной гвардии — стража порядка. Робеспьер удивляется тому обстоятельству, что до сих пор не создана гвардия в Аррасе, и усиленно предлагает землякам приступить к ее организации.

Переписка первых лет даст нам ряд любопытных указаний об отношении братьев и к другим особо важным революционным событиям. В сентябре 1789 г. Огюстен в письме к Buissart'у сообщает о предполагаемом походе на Версаль; он утверждает, что голод — единственный стимул движения. Для братьев Национальное Собрание вскоре определилось, как контр-революционное собрание: «Большинство собрания — ожесточенные враги свободы». Две палаты и veto — таковы лозунги врагов революции. И в следующем письме от 10 сентября он снова подчеркивает, что без политического закрепления свободы отмена десятины и феодальных прав — паллиатив, потому что ничто не встречается реже, чем великодушный священник и бескорыстный дворянин: первый стал священником только для получения десятины с людей и имущества, второй появился в мир лишь для того, чтобы блистать в нем. Мысль эту братья неоднократно повторяют в своих письмах: экономические задачи революции подчинены политическим: разрешите вопросы власти — и вы разрешите все остальное.

Отмечая одно поражение революции за другим, братья пытаются уже в ноябре 1789 года подвести некоторый итог борьбе. В этом смысле важно письмо Максимилиана, полученное Buissart'ом 9 ноября 1789 г. Робеспьер спрашивает о том, что слышно в провинции, как укрепляется здесь революция, выполняют ли на местах революционные декреты. Он сообщает другу, что сила духовенства сломлена декретом о переходе церковных земель в руки нации, феодальная аристократия почти уничтожена. «Но будем ли мы свободны?» Все окружающее дает основание сомневаться... Конституция полна недостатков, закон об

активных граждан — серьезное зло нового порядка. «Мне кажется, — продолжает он, — что народное представительство, построенное на указанной основе, может легко возвысить аристократию богатых над руинами феодальной аристократии».

В начале 1790 г. завязывается интересная переписка по вопросу о крестьянстве, о налогах и феодальных повинностях, еще не уничтоженных Собранием. Главный контролер финансов М. Lambert сообщает Робеспьеру о том, что до него дошли сведения, будто Максимилиан в письме к Мореау, канонику Парижа, брату пивовара из общины Лонг, отказавшемуся выполнять повинности, распространял всяческую хулу на Главное Акцизное Управление и выступал против его чиновников. Письмо это распространяется открыто и возбуждает массы. Робеспьер в своем ответном письме, категорически отрицает, что он — автор письма; он утверждает, что истинно-народные представители не могут писать подобных писем, подстрекающих к смуте. Он не аристократ и, следовательно, не может предлагать сопротивление законному взиманию налогов. Спокойствие и порядок — таковы принципы друзей революции. Но клевета получила широкое распространение. Со всех сторон М. Робеспьера обвиняют в том, что он призывает не платить налоги, не выполнять повинностей, сохраненных законом. Об этом пишут ему неоднократно его друг Buisart и младший брат. В одном из писем весны 1790 г. (письмо без даты) последний сообщает ему об организации филиала клуба общества Друзей Конституции и о пламени пожаров в деревнях округа. Огюстен сообщает брату, что до сих пор поджигатели не обнаружены, но нет сомнения — в анархии виновны враги общественного блага. Максимилиан должен, утверждает он, рассеять недоразумение или исправить ошибку, но не должен давать врагам революции возможность связать со своим именем анархию в деревнях. М. Робеспьера обвиняют в том, что он донес Нац. Собранию на провинцию Артуа, которая не платит прямых налогов. В июне 1790 года Робеспьер-младший снова предлагает брату разъяснить крестьянам, что провинция должна платить налоги, если не частным владельцам, то нации: надо сделать все, чтобы задержать распространение дурных слухов. Мы видели, что Максимилиан занимает в этом вопросе ясную позицию: он всецело разделяет мнение брата. В письме к Ш. Мишо (18 июня 1790 г.) он доводит до его сведения, что деревенское самоуправление не может пока исполнять судебных функций; здесь сениоральные судьи сохраняют свои полномочия до новой организации судебных властей.

Вопрос, который в эти годы занимает особо значительное место в переписке, — это закон «об активных и пассивных гражданах». Разъясняя патриотическому комитету Лилля (12 февраля 1790 г.) сущность понятия «прямой налог», он с горечью замечает: мы вынуждены заниматься всем этим, вместо того, чтобы

разъяснять народу права справедливости, разума и человечности. Вопрос этот усиленно интересует Максимилиана. Он видит опасность победы буржуазной аристократии и ведет против нее решительную борьбу. На этой почве у него растут связи с революционными клубами в провинции. Со всех концов Франции патриоты пишут Робеспьеру о своей солидарности с ним. Патриотический клуб Тулона, муниципалитет Марселя, общество Друзей Конституции Версаля и т. д. — все истинные демократы видят в нем своего вождя. Муниципалитет Тулона сообщает Робеспьеру о пожаловании ему титула «Гражданина Тулона». Робеспьер заявляет в ответных письмах о том, что он берет на себя защиту прав революционного народа. Он отмечает огромное значение возникающего революционного самоуправления и самоорганизации на местах, он поощряет эту инициативу и ищет связи с патриотами (см. письмо тулонскому муниципалитету в июле 1791 г.). Письма 1790 — 1791 гг. особенно интересны именно с этой точки зрения: Робеспьер становится вождем революционной Франции. Мы оставляем в стороне первые письма К. Демулена, Сен-Жюста и Петиона к Робеспьеру, в которых завязаны были связи между друзьями революции в начальный период борьбы с победившей буржуазной аристократией. Для Сен-Жюста М. Робеспьер — непреодолимая преграда деспотизму и интриге; он приравнивает его к божеству за чудеса его деяний. Но он наивно спрашивает: «почему города поглощают преимущества деревень? Что же им тогда останется кроме податей и налогов»?

Обращает на себя внимание письмо М-те Ролан (27 сентября 1791 г.), в котором она преклоняется перед Макс. Робеспьером, как человеком энергии и принципов. Она отмечает, что победе народа на выборах препятствует система подкупов избирателей, администраторов, депутатов... Патриотам придется немало трудиться, чтобы обеспечить в будущем победу революции.

Робеспьер в письмах 1790 — 1791 гг. неоднократно отмечает мобилизацию контр-революционных сил (см. письмо 13 декабря 1790 г. Buissart'у; он упорно разъясняет всем, что борьба с неприсягнувшим духовенством не вопрос философии и религии, а политики. Следует покровительствовать всем культам, но не тем, которые объявляют войну инакомыслящим.

М. Робеспьер встретил Законодательное Собрание с большим сочувствием: его состав гарантирует ему, по его словам, революционную роль. Имя фельянов стало предметом насмешек. Но новое собрание не может не победить, что бы ни говорили о нем... Спокойствие и надежды длились, однако, недолго. Переписка обнаруживает нарастание тревоги с декабря 1791 года. Младший брат пишет Максимилиану 14 или 15 декабря о том, что общество Друзей Конституции считает «отечество в опасности» благодаря продолжающейся эмиграции. Якобинцы

должны быть настраже, опасность угрожает революции внутри страны и вне ее.

С декабря 1791 г. главный вопрос, занимающий братьев, вопрос об объявлении войны. Естественно, что он занимает огромное место в переписке, и нужно сказать, что мы из писем узнаем кое-что очень и очень интересное для решения вопроса о «виновниках войны» и об активной агитации якобинцев, главным образом Максимилиана Робеспьера, против войны. Мы здесь не разделяем восторженного пацифизма Ж. Мишона. В письме их к Горса от 30 марта 1792 года М. Робеспьер заявляет, что в его выступлениях речь идет не о войне и мире и не о войне о б о р о н и т е л ь н о й или н а с т у п а т е л ь н о й. Главная опасность в том, что внешняя война связана с г р а ж д а н с к о й в о й н о й внутри Франции: последней необходимо избежать во что бы то ни стало. Воспользоваться разногласиями держав, избежать войны и гражданской смуты, покорить мирным (по возможности) путем контр-революцию в стране — такова программа действий. В письме издателю «*Courrier des 83 départements*», восстанавливая истинный смысл своей речи против войны в клубе Друзей Конституции, М. Робеспьер подчеркивает свое желание примирения с Бриссо, отмечает то, с чем он согласен и против чего он восстает. «Пусть наш союз, — торжественно закончил Робеспьер свою речь, — основан будет на священной почве патриотизма и добродетели; будем бороться, как свободные люди, энергично и с прямою, если это необходимо, но сохраняя при этом уважение и дружбу». В апреле к нему обращается с письмом Петион, настаивая на сохранении союза дружбы и объединении сил. О том же пишет 17 июня 1792 г. Робеспьеру видный неогрант и член муниципалитета Монпелье. Он защищает Лафайета. Робеспьер на все настойчивые предложения примирения отвечает не без осторожности. Он упорно отклоняет приглашения М-те Ролан (см. письмо последней от 25 апреля 1792 г.) и в то же время в своих выступлениях и письмах энергично подчеркивает, что борьба за мир означает для него прежде всего о т к а з от гражданской войны.

Интересно отношение к грядущей революции 10 августа. 20 июля в письме к Кутону Максимилиан говорит о приближении развязки конституционной драмы: революция должна широко развернуться, иначе ей угрожает гибель в объятиях военного деспотизма. Но в данной ситуации, по его словам, друзья свободы не могут предвидеть и руководить событиями. Спасение в общественном разуме народа Парижа и департаментов, в справедливости революционного дела. Ж. Мишон, автор примечаний и издатель переписки, обращает наше внимание на то, что письмо М. Робеспьера от 20 июля 1792 г. свидетельствует о том, что 10 августа не вызвано было манифестом герцога Брауншвейгского. Да, но это письмо свидетельствует также о том, что у Робеспьера не было достаточного доверия и веры в победу рево-

люционного движения масс накануне 10 августа, что он не считал возможным возглавить это движение. Он писал: «В том положении, в котором мы находимся, друзья свободы не могут ни предвидеть события, ни управлять ими». Непосредственно перед восстанием (письмо без даты) он пишет другу: «французские Бруты-федераты — в Париже. Если они уйдут и не спасут отечества, все потеряно... Надвигаются огромные события, их трудно даже характеризовать. До свидания, возможно прощай».

Вскоре после революции Робеспьер объявляет о своем отказе возглавить уголовный трибунал, революционный суд секций. Он объясняет свой отказ тем, что не желает судить своих врагов. Здесь проявились конституционные взгляды Робеспьера, его стремление в самые сложные моменты революции остаться «легистом», охранять конституционные гарантии и в первую очередь соблюсти принципы разделения властей.

Переписка дает немало деталей для биографии М. Робеспьера в каждый данный этап революции. Вот интересное письмо Максимилиана к Верньо, Бриссо и Гадэ, где он обличает апеллянтов, желающих передать разрешение вопроса о казни короля на усмотрение аристократии, возможно и прусского короля. А главное—апеллянты отождествляют его, Робеспьера, с Маратом, но он ничего общего не имеет ни с Петионом, ни с Маратом, он хочет республики, основанной полезными законами, и мудрой конституции. Вот письмо Дантону, в связи со смертью его жены, где Максимилиан заявляет, что он любит Дантона теперь более, чем когда-либо, и будет любить его до смерти. Робеспьер зовет Дантона к взаимной борьбе с тиранами...

Наступает решительный период борьбы с Жирондой. Уже в феврале 1793 года письма отмечают рост активности и готовности к борьбе якобинской коалиции. В письме Buissart'у от 21 февраля 1793 года Огюстен сетует на продовольственные беспорядки в столице. Но для него рост дороговизны и спекуляции — и н т р и г а к о н т р - р е в о л ю ц и и. Подобными мерами, пишет он, хотят уничтожить якобинцев и раздавить Париж. 6 марта он отмечает рост влияния *engagés* и подчеркивает опасность «бешеных» влекущих революцию к дезорганизации. В апреле переписка выдвигает новые задачи якобинской политики: необходимо е д и н с т в о и чрезвычайные меры для спасения страны. Письмо Огюстена Buissart'у от 10 апреля 1793 года интересно с точки зрения поисков якобинцами в тот момент блока — крепкого союза всех революционных элементов в борьбе с Жирондой. «Мы можем спастись, — читаем мы в письме Огюстена, — лишь чрезвычайными мерами». Осторожность и в то же время решительность необходимы потому, что «опасности всегда велики, наши силы разбросаны, и мы не знаем, какое сопротивление мы можем оказать многочисленным врагам революции». Необходимо якобинцам вести разъяснительную кампанию в провинции. Фран-

ция не понимает истинных мотивов борьбы фракций в Конвенте. 22 апреля Огюстен в письме к Buissart'у объясняет ему, что речь идет не о личной склоке, а о столкновении «защитников священных прав нации, с одной стороны, и предательских проектов интриганов, губящих республику — с другой». Он думает, что поход Жиронды против Коммуны Парижа, против якобинцев, наконец, процесс Марата раскроют глаза друзьям революции, и они поймут, что на одной стороне — якобинцы и народ, а на другой — Дюмурье, интриганы и роялисты.

«Моральная революция» 31 мая — 2 июня победила (см. письмо Робеспьера - младшего от 1 июня), что будут делать победители? Переписка ничего или почти ничего не дает нам для понимания событий «переходного периода» революции, июня — июля 1793 года. В письме Огюстена от 5 июля мы читаем, что сама по себе конституция не спасет революцию, не сделает народ счастливым и свободным, необходимы еще «гражданский кодекс и народное образование, которое защищало бы республику от несчастий осаждающих ее на юге и в бывшей Бретани».

В середине июля в Париже начались серьезные продовольственные беспорядки: спекуляция растет. Робеспьер-младший отмечает эти новые опасности революции в письме от 14 июля. В этом же письме он сообщает Buissart'у об убийстве Марата, о предательстве Кюстина. Все это может, замечает он, послужить причиной нового восстания. Опасность велика... В новом письме Buissart'у Огюстен торжествует: ничего чрезвычайного не случилось; опасность миновала. В конце концов смерть Марата принесет только пользу республике, благодаря обстоятельствам, которыми она сопровождалась. Обстоятельства его смерти, его человеколюбие в отношении Ш. Кордэ дают возможность «демаратизировать Марата» и открыть народу глаза на тех, кто жаждет крови. «Усердные, но малосознательные граждане в настоящий момент, — пишет Огюстен, — солидарны с заговорщиками для пантеизации Марата». Это письмо, таким образом, подтверждает наше мнение об отношении робеспьеристов к Марату.¹ Очевидно, что Огюстен высказал в этом случае общее мнение своих друзей и в первую очередь Максимилиана Робеспьера.

20 июля Огюстен с торжеством сообщает Buissart'у, что, наконец, достигнута окончательная победа над бунтовщиками... Ни страх перед голодом, ни дороговизна, ни смерть Марата, — ничто не могло поколебать революцию. Конвент занят теперь рассмотрением законов против спекуляции, и «будем надеяться, — пишет Робеспьер-младший, — что еще немного терпения и спокойствия — и республика окончательно восторжествует».

¹ См. нашу статью «Классовая борьба в июне — июле 1793 года» в журнале «Историк-Марксист», кн. I — II.

М. Робеспьер возглавил революционное правительство; Огюстен был отправлен к итальянской армии. Переписка меняет свой характер. Письма просителей, советчиков теперь особенно многочисленны, переписка между братьями и друзьями доведена до минимума. Почти исчезли письма к другу Buissart'у. Большинство писем — сообщения Огюстена из армии или предписания Комитета Общественного Спасения, составленные М. Робеспьером. Но историческое значение этих писем увеличивается. Деятельность Робеспьера развернулась среди огромных опасностей. В своем донесении Комитету Общественного Спасения Огюстен, представитель при итальянской армии, подчеркивает необходимость избежать Сциллы и Харибды революции: следует не приостанавливать и не подстегивать пылкость республиканцев в столь критический для революции момент. Письма Огюстена за август — сентябрь 1793 года настойчиво требуют принятия энергичных мер против *enragés*, против секционеров, попавших под влияние крайних. Огюстен проявляет свою умеренность там, где другие якобинцы настаивают на принятии решительных мер. Один из них, Jullien, активный корреспондент Максимилиана, в письме от 1 октября 1793 года требует углубления революции: надо санкюлотам дать почувствовать, что они не напрасно боролись и победили. Jullien предлагает принять энергичные меры для распространения народных обществ и изгнания из клубов богатых.

М. Робеспьер, глава революционного правительства, несет теперь ответственность за Францию, он выслушивает советы, но принимает только целесообразные решения. В обращении Комитета Общественного Спасения к Изабо, представителю в армии Западных Пиринеев, и Тальену, уполномоченному Конвента, в ряде департаментов от 13 октября 1793 года перу Робеспьера принадлежит примечание: «Наказывайте беспощадно и решительно предателей, роялистов, особенно вождей и главных агентов жирондистских и контр-революционных интриг»... — Только отсутствием колебаний и революционной твердостью можно победить. Но в то же время в письме к Dumont'у Робеспьер от имени Комитета предлагает не давать врагам лишних мотивов для контр-революционной деятельности, особенно в вопросах религиозных. Надо преследовать неприсягнувших священников или предателей, но не следует объявлять гонение на духовенство, как таковое.

В конце 1793 года М. Робеспьер пытается сохранить «в чистом виде» свою борьбу с левыми и правыми. Каков социальный состав тех, с кем приходится бороться в это время революционному правительству? Среди писем имеется одно, которое дает кое-что интересное и по этому вопросу. 4 ноября 1793 г. Комитет Общественного Спасения сообщает А. Dumont'у о предполагаемом заговоре в его департаменте. Здесь же сообщается и список предполагаемых участников заговора:

администратор дистрикта, два фермера, бывший дворянин, спекулянт прокурор-синдик, слуга, бывший маркиз, торговец вином. Пестрота заговорщиков в данном случае удачно вскрывает социальный состав того контр-революционного блока, который, в дальнейшем расширяясь, привел революционную диктатуру к гибели.

В ноябре 1793 г. М. Робеспьер пишет от имени Комитета Общественного Спасения обращение к народным обществам. Он предлагает им взять на себя великую задачу нового воспитания, но при этом во что бы то ни стало избежать насилия в борьбе с «пережитками прошлого». «Проникнитесь той истиной, что нельзя командовать над сознанием», замечает он. Пережитки прошлого, предрассудки могут быть излечены, но их нельзя лечить насилием. Гораздо более серьезная опасность, однако, грозит революции, благодаря тому, что нет необходимых средств для пропитания городов и армии. Огюстен в брюмере II года пишет Комитету из Ниццы о том, что общины департамента Альп гибнут, что итальянская армия не имеет продовольствия, что достать хлеб можно только реквизициями и что бессистемность последних серьезно подрывает ресурсы. Сделано все, чтобы получить иностранный хлеб. Но пока это не дало результатов. Что же делать? Огюстен развертывает в письме программу завоевательной войны. На территории Женевы, в Ломбардии значительные богатства. Прорваться туда, значит, обеспечить армию и республику... Но выполняли ли эта программа завоеваний?

Фор из Нанси 16 фримера II года жалуется Робеспьеру на реквизиции и бесчинства армии... О том же пишут Максимилиану анонимы. Комитет в письме Hentz'у, уполномоченному при северной армии, снова и снова напоминает на необходимость сопротивления модерантизму и «бешеным». Переписка прекрасно иллюстрирует то положение, что сохранить социальное равновесие Робеспьеру и революционному правительству не удалось, и в этом была трагичность их положения. Вот два письма от 24 фримера II года: одно принадлежит Леба и Сен-Жюсту, другое — Жерому Жиле. В первом мы читаем: «Фабриканты не являются патриотами, они не желают работать, их приходится принуждать к этому». Во втором письме сказано: «Деревни стали неузнаваемы, сельское хозяйство и торговля в плачевном состоянии», необходимо объявить свободу культов.

Революция приближалась к тупику. Jullien в письме к Робеспьеру от 5 нивоза II года сообщает из Лориана о начавшемся бунте: причиной бунта послужил скверный хлеб. Мюскадены под маской матросов и рабочих вносят анархию, не желают возвращаться на работу и говорят о том, что известия о победах только басни. В такой обстановке можно ожидать всяческих сюрпризов. Робеспьер пишет Сен-Жюсту и Леба 9 нивоза II года: